

Ночь с королевой Советского Союза

известия - 2000 - 19 февр. - 17

Прошлой весной Алла Борисовна, как вы помните, была худой блондинкой. Это ее утомляло, и она собиралась изменить жизнь: обещала, что начнет беспорядочно питаться, потолстеет и пострижется под ноль. Про ноль говорить пока рано, а в остальном все в порядке: она снова такая, какой мы привыкли ее любить.

Игорь СВИНАРЕНКО

Про тонкости имиджа мы с ней разговаривали за обедом в ресторане Satwalk, куда нас пригласила Алена Долецкая — главный редактор модного журнала Vogue. Да, но как же это мыслимо, чтоб Алла Борисовна так в публичном месте могла запросто перекусить? Разве только за ширмой? Вы будете смеяться, но именно за ширмой, которая и была поставлена; да, только так... Простодушная публика завидует знаменитостям, а между тем великие еда ли лукавят, утверждая, что слава приятна только первые три дня, а когда после всю жизнь скрываешься за ширмами и темными стеклами очков, накрывшись еще паричком, — ведь надоедает. Помню, как однажды точно так же за ширмой обедал в московском Английском клубе Чубайс в лучшие свои времена. Прослышав про высокого гостя, за ширму провалился модный писатель в кожаных штанах и лично презентовал свою свежую книжку. Скандал, конечно, и охрану уволили. Но фокус в том, что Алла-то Борисовна без охраны, вот какое дело! Кстати, я этого до сих пор не могу осмыслить.

Да... Пугачева одинока так же, как президент страны, — в том смысле, что гражданам России тяжело с ними вести беседы на равных. Им там, на самых верхах, не с кем пообщаться на равных, чтоб никто не сморел в рот с глупой улыбочкой.

Сидим, обедаем. Официантки, конечно, к столу тоже подлетали, но чаще сам Фабiano, владелец заведения, запечатлевая образ народной артистки СССР в своей итальянской душе...

За обедом говорили не только про имидж, но и про моду, это самое холодное из искусств. — О, нет, я не понимаю ничего в моде! Я ношу что мне захочется. А если то, что я ношу, вам не нравится, значит, у вас плохой вкус; у меня-то точно хороший! — давала разъяснения она.

Таким образом, выходит, что нам с Аллой Борисовной в отличие от вас мода глубоко чужда потому, что наш с ней вкус тоньше вашего.

Обсуждали и прочие светские темы, включая даже такую жестокую, как похуждение. Мы это обсуждали, несмотря на то, что еда даже на наш взыскательный вкус была хороша.

— У женщины щеки должны быть меньше глаз, иначе непорядок! — учила Пугачева. Мы запоминали.

— При чем тут вес! — утешал я собеседницу. Они пришли предаваться житейской радости, а им такое... — Не это главное! Надо уметь себя подать! Вот Людмила Зыкина худойкой не страдает, а как себя держит, какой взгляд у нее! Вы ей смортели когда-нибудь в глаза? Ой...

— И это верно, — сказала Пугачева, съев вслед за сала-

Кумиры толпы не имеют права жить без лимузина

том приличный кусок мяса с кровью и заказывая себе на десерт порцию спагетти с овощами, хотя, впрочем, и ликера тоже. — Когда я худая, я не знаю, как мне жить... Все, что мне нравится, то мне не идет. Мне лучше быть не худой и не толстой, а такой средней — как сейчас...

Это можно было понять как приглашение ее хорошенько рассмотреть, и я этой возможностью воспользовался. Смотрю и вижу: вот лицо, по которому не бегут ни мысли случайные, ни чувства, но только то, что задумано, что может занять и увлечь, — и потому хочется смотреть не отрываясь. Идеальные зубы нерусской, не нашей белизны, произведение искусства. Шея с удивительным медальоном в виде серебряной (а может, и платиновой) тонкой трубочки, из которой как бы выкатывается маленький брильянтик. Это похоже на фонарик для Барби. Алла берет его пальцами и говорит в драгоценный камень:

— Дорогой, я здесь!

И поясняет:

— Так я разговариваю с Фи-лей, когда он далеко...

Филя, однако, не отвечает из своего гастрольного далека, он временно недоступен, — видимо, он как раз out of the coverage любовного брильянта.

Что еще? Кольца, перстни, все, как надо. Черное летящее платье, вроде простое, но кто в такое поверит. И туфли — на низком каблучке, с закругленными носками, и ремешочек с пряжкой. Туфли очень трогательные, я помню такие на лучших красавицах нашего детства.

Трогательность эта расслабляет не меня одного, она говорит:

— Это мне Филя привез...

Мы молчим из уважения к трогательности.

После обеда поехали кататься в лимузине, том самом знаменитом, который снаружи бе-

лый и блестящий, а внутри розовый, мягкий, кожаный. Это растянутый «Линкольн stretch», совпадающий по названию с упругими джинсами. Мы в таких ездили и уж знаем, какое по нему ползти раком, — это как в шахте, как в окопе, как в... однако достаточно эротических аллюзий. Да, не забыть бы еще сказать про внутреннюю сухость, намеренно подчеркнутую пустыми хрустальными графинами в непрестанном лимузинном баре.

— Что так?

— Это Пресняков тут раньше держал и виски, и коньяк, а теперь нет ничего!

Насчет лимузинов меня всегда волновал вопрос: а отчего бы в ту же цену и в ту же крокодилью длину не завести трейлер, он же сапрег, этаким маленький автобус с диванами, с кухонькой, с совмещенным санузелом и холодильником для пива? (Бывают, кстати, и с ванной, в таких знатные киноартисты ездят на съемки...) Я про это спросил и Аллу. Но она и не подумала отвечать. Видно, вопрос непростой... Думаю, смысл тут в том, что в Америке, где у всех автомобили, автобус экзотичен, а у нас он как средство общественного транспорта может повредить имиджу звезды.

Куда б съездить? На ночь глядя поехали решать такой странный неожиданный вопрос, как квартирный. Как-то внезапно зашла речь о том, что ввиду выросшей семьи надо бы Алле Борисовне увеличить городскую жилплощадь. Сдачей порядок, но в городе тоже ведь надо достойно расположиться, так?

Да, само собой, — но где? Как всегда в таких случаях, нашлось полно советчиков даже в таком узком кругу.

— Ну что же! Поехали смотреть! — великодушно сказала она. — Везите, показывайте, где б вы меня поселили, будь ваша воля! Трогай, Витя!

Витя тронул, мы растерялись, но уж поехали.

Но куда? Да еще на ночь глядя?

Ну, во-первых, не так много в Москве домов, которые тянули бы на уровень Пугачевой. А что поздно — плевать. Как только к нам высказывали security, Алла с тихой вежливостью говорила пару слов, и жизнь моментально менялась к лучшему. Охрана становилась навязчивой и ела народную артистку глазами, вызывала по рациям и сотовым менеджеров, и, еще даже их не дождаввшись, открывала выставленные на продажу квартиры, рассыпаясь в извинениях за 5-минутную задержку в поисках ключей и торопливо растворяя ворота, чтоб наш перный лимузин неуклюже, как крейсер, вплыл в тесный маленький двор — бесполезный, как Черное море.

Впрочем, квартиры почти все имели губительные померные изъяны. Одна стояла прямо на трамвайных путях. Другая непростительно размещалась в старом доме, который, хотя и молился как мог, и выставлял напоказ свой капремонт и даже реставрацию, все равно безнадежно отставал от современности... Третья была почти всем хороша, да только стояла в переулке с названием, которое навевало слишком уж философские, не эстрадные мысли, — Последний.

И только одна квартира глянулась нам всем без исключения.

Мы ходили по всем трем ее этажам, и охранник подсвечивал фонариком, чтоб мы не провалились в пролеты будущих лестниц. Молча гуляли по крыше, которая превратилась в один бескрайний балкон. И так же безмолвно ужасались размаху жилплощади. Борисовна нас утешала:

— Да что вы переживаете! У Лигачева еще больше!

Мы беззвучно калькулировали: кто такой против нее Егор Кузьмич и чего ж тогда ей, похорошему, должен выписать Моссовет...

Но она вздыхает:

— Я теперь все сравниваю с Майами... (где у нее, говорят, квартира. — Прим. авт.)

Это понятно; ну да кому ж сейчас легко?

Ничего в тот раз не решив с той квартирой, мы из нее вернулись в простую ночную Москву. Опять вопрос — куда? Никто уж не помнит, с чего зашла речь про цыган. Заговорили и ладно, но...

— Едем к цыганам! — это она сразу так решила. Мы за ползем в колбасную кишку лимузина и мчимся. По пути Алла рассказывает старинную историю, как 15 лет назад, при советской власти, одна цыганка выманила у нее 14 тысяч тогдашних советских рублей. Мы провели мозговой штурм и так прикинули, что применительно к реалиям жизни это будет никак не меньше 150 000 долларов. Она тогда еще звонила Коле Сличенко жаловаться, он смеялся и говорил: чем больше человек отдаст цыганам, тем счастливей будет. Мы ужасаемся и горюем вместе с Аллой, но она первая начинает смеяться: ведь с того момента таки и пошло ей счастье! И разве б она его сейчас согласилась променять обратно на те 14 000 рублей? Правда, смешно...

А куда сегодня ехать к цыганам? Да вот хоть на Манежную. Там в верхнем этаже торгового комплекса как раз напротив Водовзводной башни размещился театр-ресторан Дуфуня Вишневого.

— Цыгане! Люблю. Я ведь начинала с этого, — прочувствованно вспоминает юность Алла.

И вот мы входим наконец к цыганам... Они встречают у входа со счастливыми лицами.

Я вижу потрясенное лицо хозяйина, Дуфуня Вишневого, который тут же скрывается в кабинете, долго не смеет оттуда показаться и намешивает только послать нашему столу литр «Курвуазье», который мы,

Теперь королева плюет на диеты

впрочем, приберегли для Фили; негоже у цыган пить коньяк, это моветон, тут жанр настаивает на водке.

После первой рюмки свою кепку Алла на вратарский дворовый манер развернула задом наперед — и оказалось, что там, на затылке, вышита перламутром буква «А», — кстати, первая во всем нашем алфавите.

Специально для дорогой гостьи на сцену вышла жена хозяйина — Валя Вишневская — и спела насчет того, что-де «ни сколько мы с тобой не постарели». Алла послушала, похвалила, а после дала профессиональный совет:

— А ты, Валя, попробуй тихо петь!

— Как же так — тихо? Тут ресторан, люди гулять приходят, кутить к цыганам, разгул же нужен!

— А ты все равно попробуй! Это я тебе говорю, серьезно!

И уговорила. Валя запела. Может, в первый раз в жизни — тихо. А получилось очень даже неплохо! Валя была просто потрясена.

Как всякие нормальные гости, мы захотели выпить с хозяйном, а его нету. Алла лично сходилась за Дуфуней в его кабинет с видом на Кремль и привела его за стол. Ну, выпили по чуть, за детей, закусили чем бог послал, хозяин взял гитару, которая как будто случайно оказалась под рукой, так что бежать за ней к соседям не пришлось. Запел свое, цыганское. Это все так запросто, по-домашнему. Чужих и не было — так, еще за парой столиков сидели люди, но такие смиренные, как дальние родственники. А Алла им после — свое: «Я ехала домой, я думала о вас...»

Это была карикатура на телевидение — то, что происходило. Мы там внутри пели, а снаружи, на улице, как оказалось, дюжина поклонниц и поклонников стояла и млела от концерта, даром что звука не было. Таким, видимо, представляют себе телевизор дикие паузы: как будто это ящик, ну, в бук-

вальном смысле слова, а внутри за стеклом сидят люди, буквально кушают и пьют застольные песни.

А в этот момент — у нас, внутри — зазвонил хозяйский сотовый. (Я так подозреваю, что вообще мобильники изобрели специально для кочевников, для тех же цыган; знаете, вольница, табор, скачешь и названиваешь знакомым ромалэ, которые тоже не в состоянии дожидаться звонка по месту жительства.) Я оказался к трубке ближе всех, так что я и взял ее в руку и, не отрываясь от пения, нажал на кнопку «Yes». И сказал тула, в телефон, еще не узнав, кто звонит:

— Выступает (пауза) народная артистка СССР (опять пауза) Алла Пугачева! Прямая трансляция с Манежной площади.

И направил телефон на Аллу. Она пела, пела («Ах как любила я цыгана, но только пуля из нагана»), а после спохватилась:

— Это что, в прямой эфир шло?! Это какой канал? Или это FM?

— Не знаю, я не спрашивал... И потом, какая ж разница? Поете вы себе и поете, а люди пусть себе слушают — у вас же все равно работа такая...

Однако оказалась, что звонил не FM, а хозяйская Мадленка. Ну тут понятно — дети, внуки, все расчувствовались, тема разговора поменялась:

— Кристина мне к юбилею дала такой концерт...

Она вспоминала про дочь, и в глазу ее засверкала слеза, я видел это в профиль. Слеза была маленькая, но яркая, чистая и теплая.

— Я ей в карьере ничем не помогла! В этом и состоит моя главная помощь...

Цыгане к этому отнеслись недоверчиво — это ж дети, а дороже ничего не бывает! Я слышал тут, в ресторане, их самую страшную клятву: «Чтоб мне детей не видеть!»

Тема между тем развивается. От детей и зятьев перешли к мужьям.

— Дуфуня — чистый как дитя! — провозгласил кто-то. Валя подняла глаза и воскликнула:

— Да, да! Как же это верно!

— Береги его, — грамотно сказала Пугачева.

— Я так боюсь за него... Знай: если с ним что случится, я тоже уйду! — отвечала Валя.

— Нет, — мягко, но решительно сказала Алла Вале. — Все будет хорошо — ведь я с тобой.

А дальше что ж? Дальше — царственный жест не хуже шубы за барского плеча. Ведь что получилось? Валя — артистка, она пела для нас, и сами собой тут разумеются цветы. Где их взять среди ночи? А в багажнике лимузина Пугачевой! Я иду за корзиной, мне ее выдает шофер Витя, который ради этого отрывается от лимузинного телевизора и преувеличенно приветливым голосом спрашивает, долго ли еще, при том что на дворе три часа ночи.

Несу цветы по Манежной.

Проходящая незнакомая девушка остановила меня и спросила с убийственной доверчивостью:

— Это мне?

— Нет, — говорю.

— Как — не мне? А кому ж тогда?

— Ну, другому человеку. Пугачевой А.Б., она тут поблизости проводит культурный досуг.

Девушка уважительно оглянулась на Кремлевские башни, в направлении которых я вроде шел.

— Серьезно? Ну тогда передайте ей привет от Юли Шишкиной.

— Она вас знает?

— Нет. Но, может, ей все равно будет приятно.

Так, собственно, и прошла ночь. На прощание мы с Пугачевой, как водится, целовались.

— Это должно остаться между нами? — спросил я как джентльмен. — Унести этот секрет в могилу? Или можно этим хвастать теперь всю оставшуюся жизнь?

— Валей! — разрешила она со щедростью королевы.

